

УДК 82.31

ББК 83.3 (2 Рос = Рус)

Т 23

Татаринов Алексей Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета, т.: 8 (918)4565749, e-mail: tatarinov1967@yandex.ru

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ**

(рецензирована)

В статье рассматривается специфика автобиографического пространства прозаических произведений А. Аствацатурова, Р. Сенчина, С. Шаргунова и делаются выводы о состоянии влиятельной литературной стратегии, получившей название «новый реализм».

***Ключевые слова:** современная русская проза, поэтика романа, новый реализм, автобиографический дискурс.*

Tatarinov Alexey Victorovich, Doctor of Philology, professor, head of the Department of Foreign Literature and Comparative Cultural Studies of the Kuban State University, tel.: 8 (918) 4565749, e-mail: tatarinov1967@yandex.ru

AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE IN MODERN RUSSIAN PROSE

(reviewed)

This article considers the specificity of autobiographical space of prose of A. Astvatsaturov, R. Senchin, S. Shargunov and draws conclusions about the state of the influential literary strategy, called "the new realism."

***Keywords:** modern Russian prose, poetics of the novel, the new realism, autobiographical discourse.*

Одна из самых простых и закономерных задач словесности – сохранение памяти о собственной жизни. Сильнейший стимул в развитии писательского мастерства –

спасение от беспамятства родных сюжетов, воскрешение себя силою словесного искусства. Превратить свое прошлое и настоящее в устойчивую историю – знак того житейского, автобиографического реализма, который в последние годы крепнет в нашей литературе и становится едва ли ни главной альтернативой разнообразным фантастическим фабулам, в которых душа автора спрятана так глубоко, что мысль о соотношении с реальностью повседневного существования и вовсе не возникает. В данном контексте новые книги Андрея Аствацатурова («Скунскамера») [1] и Сергея Шаргунова («Книга без фотографий») [2], переизданные произведения Романа Сенчина («Минус» [3], «Нубук» [4], «Вперед и вверх на севших батарейках» [5]). Авторы «фотографируют» себя и персональное прошлое, присутствуют в текстах с подлинными именами и фамилиями, рассказывают о том, как учились, влюблялись, трудились и – обязательно – впадали в пессимистические настроения.

Не просто определить жанр этих произведений. «Люди в голом» были названы Аствацатуровым романом [6], а «Скунскамеру», написанную в близкой манере, автор предпочел оставить без подзаголовка. Так поступил и Шаргунов, не ставший настаивать на художественном статусе «Книги без фотографий». «Нубук» при первой публикации 2002 года появился как повесть. В 2011 переиздан как роман. Есть смысл вспомнить, что при первой публикации Захар Прилепин определил «Грех» как «роман в рассказах» [7]. В издании 2011 года информация о «романе» исчезла», просто – «рассказы». Жанровая философия – в кризисе непроясненности.

В «Минусе», «Нубуке», «Севших батарейках» Сенчин удивлен и уязвлен банальностью вхождения в зрелость, скукой, обыденностью и антиэстетизмом дящейся жизни. Здесь отсутствуют события, которые надо обязательно пересказать. Нет сознания, которое удивило бы яркостью своих движений. Но жизнь длится, более того: как-то все устраивается. В каждой новой повести житейский рейтинг героя с именем «Роман Сенчин» все-таки выше предыдущего: сначала монтировщик в провинциальном сибирском театре, потом – помощник друга-бизнесмена в Питере, наконец, писатель и преподаватель – в столице. Тексты продуманно вялые, спокойные. Герой, похожий на автора, сообщает читателю, что любви надо бояться, искать смысл жизни – привилегия подростков. Много сказано о пользе денег. Не без совершенства Сенчин повествует о скучном, лишенном динамики обустройстве молодого человека во взрослой жизни, где его вряд ли ждет счастье.

И у Сенчина, и у Аствацатурова герои-рассказчики часто говорят о собственном аутсайдерстве. У автора «Минуса» ничто не спорит с этим устойчивым состоянием, протяженность нединамичной действительности постоянно в кадре. У Аствацатурова предсказуемо скучная жизнь человека освещается эпизодом, заменяющим цельность. Спонтанный анекдот в «Скунскамере» «взрывает» будничное время смехом. Риторическая удача – на месте состоявшейся судьбы, и неказистость собственного пути уступает место ценности случая. Не существование предшествует сущности, как у ценимого Аствацатуровым Сартра, а внутренняя готовность к облегчению контакта с реальностью предшествует самому существованию. Сущность может уничтожить единичное. Поэтому оговорка, ошибка, невольная метонимия или ненормативность способствуют освобождению.

И Шаргунов в «Книге без фотографий» больше говорит о своих поражениях, нежели о победах. Заметно, правда, что он стремится к успеху, желает его, и это серьезное отличие от «Минуса» или «Скунскамеры». Шаргунов – социальный человек, ему многое интересно. Но драматический узел в характере не появляется. Очевидна ставка на вменяемость, нормальность и протяженность существования. Хождение в политику, попытка стать депутатом – важный для автора этап. Но причины и смысл этого движения автором не рассматриваются. «Идея жизни» менее значительный объект, чем давние чувства к «темненькой Гале», «красногубой Лоле», «блондинке Юле» и «Жанне с выдающимися передними зубами». Много сказано об «Ане с большими горящими глазами», с которой «поженились игриво, легкомысленно, в кружении кутежа». Отношения с женой – удачно воссозданная автором драма. Интересен Шаргунов и тогда, когда ему удается всерьез погрузиться в переживание чужой судьбы, например, дяди Коли Балбаса – физически сильного и беззащитного при этом человека.

Шаргунов охотно перемещается по миру, готов ехать в любую точку. Он ищет вроде бы везде, но интересуется практически всегда только собой. Чтобы найти серьезный конфликт, которого нет у наших авторов, должно быть иное сознание, входящее в текст извне. Здесь много разных бесед, житейских разговоров, но совсем нет диалогизма, в котором «ты» и «я» предлагают разные пути, и поэтому интересны не только самим себе. Нет здесь исповеди – совершенного диалога, дела взрослого ума, обретшего идею собственной жизни, когда события складываются в сюжет

состоявшегося сознания, а внутренний мир предстает романом, который не нуждается в продолжении.

«В чем моя вера?» - не вопрос для наших авторов: духовное напряжение - толстовское, розановское, уайлдовское - уступает место фабулам жизни. Авторы обстоятельно коллекционируют знаки своего несовершенства, любят ими. Герой «Роман Сенчин» - чмо, скучный пацан, тормоз, пьяница, прелюбодей, трус, Смердяков. Он прячется от жизни, любит песни «с признаком дебилизма», «все время врет и прибедняется», «опять поет». Герой «Андрей Аствацатуров» труслив и стеснителен. Он не участник, а наблюдатель. Безобиден, но вял. Воспоминания даются через силу, часто бросают женщины, кошек боится, в школе не взяли в мушкетеры, спортом не занимается. Не может огласить список абитуриентов, где есть провокационные фамилии «Жавно» и «Ялда». Он – «ненастоящий», с «серьезными комплексами».

«Скунскамера» - профессионально написанный текст. Аствацатуров – опытный филолог. При этом филфак в его текстах – пространство анекдотов, необязательных бесед, томительного ожидания конца занятий. Здесь место дислокации молодых людей, которым не слишком интересно пребывание в гуманитарном мире. Своим импозантным художественным видом автор показывает, что все это – литературоведческое – скука. Наверное, это поза. Но дело в другом. Извлекая из памяти разнообразные мелочи, Аствацатуров далек от «романа сознания», от сюжета мышления, который захватывает преподавателя, идущего от курса к курсу, от текста к тексту. Жизнь профессионального читателя – становление мысли. Возможно, Аствацатуров оставляет ее научным текстам, а здесь – в литературе – будет эпизодичность и случайность.

Слышен в «новом реализме» (он шире, чем манифесты и творчество Сенчина, Прилепина, Шаргунова) призыв фиксировать жизнь на том месте, где она застала тебя. Это искусство рискует обернуться предельным литературным эгоцентризмом и субъективизмом: типичный «Я» в предсказуемых обстоятельствах. Автор захвачен самим собой. Он отказывается от бесплодного фантазирования, и, следуя хорошо знакомой реальности, концентрируется на собственной биографии, следит за текущим положением в своей жизни. Реальность сжимается до «Я»: это не мощный внутренний мир с интенсивной работой, а внешняя действительность и комментарии к

ней. Это не философствующая личность, пришедшая к необходимости поведать свою внутреннюю историю. Это социально-бытовой человек, которого мало интересует мир как смысл.

Личность, «Я» – потенциал литературы, ее нерв. Повествование о себе может быть эпосом, философией, религией. Тот, кто действительно хочет создать «новый реализм», должен жестко контролировать «фотографирование» себя. Стоит дорасти до конфликта. Раскачать реальность. Полюбить мысль, а не свои будни. Чтобы существование не отменяло сущности. Реальность равна повседневности, воспоминаниям и личным неурядицам, - так у Сенчина, Аствацатурова, Шаргунова. Но есть ведь и другая реальность, когда «ты» – мысль, конфликт, воля.

Литература:

1. Аствацатуров А. Скунскамера. М., 2011.
2. Шаргунов С. Книга без фотографий. М., 2011.
3. Сенчин Р. Минус: повести. М., 2011.
4. Сенчин Р. Нубук. М., 2011.
5. Сенчин Р. Минус ...
6. Аствацатуров А. Люди в голом. М., 2009.
7. Прилепин З. Грех: роман в рассказах. М., 2008.

References:

1. *Astvatsaturov A. Skunkamera. M., 2011.*
2. *Shargunov S. Book without pictures. M., 2011.*
3. *Senchin R. Minus: stories. M., 2011.*
4. *Senchin R. Nubuck. M., 2011.*
5. *Senchin R. Minus...*
6. *Astvatsaturov A. People in the nude. M., 2009.*
7. *Prilepin Z. Sin: A Novel in Stories. M., 2008.*